

И. В. Убоженко

О КОГНИТИВНОМ МОДЕЛИРОВАНИИ ИНТУИЦИИ И ТВОРЧЕСТВА В ПЕРЕВОДЕ: ИНТЕРПРЕТАТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, Москва, 101000, ул. Мясницкая, 20

В статье предлагается развёрнутая когнитивная модель переводческого процесса, в которой особая роль отводится её дидактическому потенциалу, позволяющему эмпирически следовать указанным этапам перевода в ходе обучения этому виду интеллектуальной деятельности. Подробная интроспективная процессуальная схема осознанных умственных действий переводчика, изложенная в исследовании, выстроена с учётом творческой составляющей его/её профессиональной работы. На первом этапе у переводчика формируется фон процесса познания, вмещающий в себя целый комплекс необходимых разноплановых знаний лингвистического, металингвистического и экстралингвистического видов. На втором этапе различные элементы накопленного исходного знания комбинируются — сравниваются и перебираются — с целью оформления представления обо всех допустимых и гипотетических версиях перевода. На третьем этапе происходит окончательный выбор, принятие и оформление оптимального переводческого решения.

Новизна исследования заключается в попытке описать интуитивный компонент, присутствующий в ходе принятия индивидуального переводческого решения. С этой целью критически обобщаются и анализируются отечественные и зарубежные подходы к исследованию творчества в рамках концепций философии и психологии одарённости. Затем достижения в данных смежных с теорией перевода науках сравниваются с теориями, существующими сегодня в мировом переводоведении. На этом основании в статье рассматривается целесообразность применения базовых основ семиотики и теории интерпретации к изучению многогранных процессов восприятия текста оригинала и последующего порождения текста перевода.

Методологическая база настоящего междисциплинарного исследования представлена приёмами логического рассуждения, аналитического моделирования, когнитивного анализа, сравнительного анализа, синтеза изученной информации с её последующим критическим обобщением, а также включает рефлексии и метод дедуктивно-индуктивных заключений.

Статья содержит анализ степени изученности исследовательской проблемы в соответствующей академической литературе, отправные теоретико-методологические положения исследования, результаты и дидактические рекомендации автора. Библиогр. 50 назв.

Ключевые слова: переводческое творчество, интуиция в переводе, процесс перевода, когнитивное моделирование, интерпретативная теория перевода, семиотический подход.

ON COGNITIVE MODELING OF INTUITION AND CREATIVITY IN TRANSLATION: INTERPRETIVE AND SEMIOTIC APPROACHES

I. V. Ubozhenko

National Research University Higher School of Economics, Russian Federation, 20, ul. Myasnikskaya,
Moscow, 101000, Russian Federation

The paper focuses on the explicit cognitive model of translation process stressing its didactic potential that makes it possible to apply it empirically to the professional activity of a translator by following the steps claimed in the research. The given detailed introspective process scheme of a translator's conscious mental acts has been designed taking into account the creative part of his/her professional work. Thus the first stage is devoted to shaping the background of the cognitive translation process, which comprises an ultimate complex of necessary multifaceted knowledge of linguistic, meta-linguistic and extra-linguistic kinds. The second stage is aimed at combining the elements of that accumulated initial knowledge base, where comparison and selection lead to the search for a mental program image of

all possible translation variants. The third stage marks the final choice and taking a most adequate translation decision.

The novelty of the presented research is in its attempt to describe an intuitive component being a characteristic feature of any individual translation decision-making process. With this in view, the author starts by critically analyzing both foreign and domestic approaches to creativity and intuition in terms of philosophy and creative psychology. Then their related achievements have been compared to those of the world translation theory. Basing on that the paper suggests the productivity of applying semiotic and interpretive methodology to the explanation of cognitive mechanisms of understanding the original and further making translation.

The present interdisciplinary research methodology includes logical meditation, analytical modeling, cognitive and comparative analyses, the synthesis of information learned with its further critical evaluation, reflexive thinking, and making deductive/inductive conclusions.

The paper consists of the relevant academic literature review, theoretic and methodological framework, results obtained and the didactic recommendations of the author. The research bibliography covers 50 points, which have been referred to in the paper, by both domestic and foreign scholars, ranging from classical to modern publications. Refs 50.

Keywords: translation creativity, intuition in translation, translation cognitive modeling, an interpretive translation theory, a semiotic approach to translation.

1. Степень изученности исследовательской проблемы

На современном этапе переводоведение переживает новый виток своего развития на самых разных направлениях: в теории, методике преподавания перевода, в прикладных сферах, связанных с IT-технологиями и появлением целого ряда программ и платформ машинного перевода и вспомогательных для него сервисов. В этой связи — возможно, в противовес многочисленным онлайн и электронным «друзьям переводчика», истинным и ложным, — растёт научный интерес к изучению антропоцентричных феноменов перевода в свете таких парадигм языкознания, как взаимосвязь языка и сознания, языка и мышления, с учётом современных концепций естественного интеллекта и его непосредственной реализации в языке. Это позволяет утверждать, что возникшее в прошлом столетии лингвистическое переводоведение приобретает новый ракурс исследования проблем перевода, с учётом его когнитивных, интерпретативных и креативных аспектов.

В свете этого подхода имеет смысл по-иному взглянуть на вопросы взаимодействия понятий перевода и рефлексии, переводческой интуиции, переводческого творчества, поэтому считаем целесообразным остановиться на одном из вышеназванных феноменов — вопросе об интуиции переводчика, а также его способности создавать новые варианты перевода.

Предлагаемая вниманию читателя статья представляет собой попытку теоретического построения универсальной логической модели процесса перевода. При этом моделируемые аналитические операции рассматриваются в данном случае безотносительно различий в конкретных видах перевода, включая такие базовые, как устный и письменный перевод, и основываются на отправных положениях когнитивной теории, семиотики и теории интерпретации. Варианты толкования смысла оригинала и версии его передачи на языке перевода исследуются с акцентом на присутствие и возможное развитие интуитивных и творческих навыков переводчика, способах их инициирования и актуализации в профессиональной деятельности. Исследование носит междисциплинарный характер, поскольку авторские заключения не только базируются на опыте, накопленном в этой области

мировой переводоведческой наукой, но и учитывают достижения учёных в смежных областях: философии, психологии, методике. Статья включает анализ соответствующей литературы по вопросу, теоретико-методологическую основу исследования, результаты и дидактические рекомендации автора.

Успешный процесс перевода, как известно, основан на прочном фундаменте языковедческих и металингвистических знаний; выражаясь в терминах современной лингводидактики — на навыках и профессиональных компетенциях, сформированных в ходе целенаправленного обучения этому виду творческой деятельности. Данный процесс объединяет в себе признаки художественного и научного творчества.

Интерпретативная парадигма в переводоведении должна опираться на исходное положение о том, что понятие творчества прежде всего предполагает либо выбор из нескольких имеющихся вероятных решений одного, наиболее приемлемого в конкретной ситуации, либо создание принципиально нового лингвопереводческого решения. В обоих случаях выбор обусловлен индивидуальной интерпретацией переводчиком концептуального ассоциативно-семиотического комплекса [Казакова], подлежащего переводу. Интерпретация, в свою очередь, зависит как от общего набора стандартных, универсальных знаний, необходимых переводчику для принятия корректного решения относительно выбора финального варианта перевода, так и от сугубо индивидуальных перцептивных особенностей переводчика как личности¹.

Интуитивное знание как существенный сегмент творческого процесса может приобретаться в ходе обучения переводческим навыкам: осознанного овладения целым рядом механических, автоматизированных переводческих процедур в совокупности с накоплением глубоких теоретических знаний в рамках данной научной дисциплины. Интеллектуальный опыт, полученный в ходе такого обучения переводу, служит в дальнейшей профессиональной деятельности переводчика когнитивным фоном познавательного переводческого процесса².

Переводческому творчеству можно и нужно обучать, а переводческую интуицию возможно и необходимо развивать. И то и другое базируется на овладении навыками индивидуальной интерпретации объектов окружающей действительности, т. е. навыками рефлексии, осознанного целеполагания при формулировке переводческой задачи и сознательно обоснованного, мотивированного выбора переводческого решения. В момент принятия решения ранее неоднократно осознанное, целенаправленное действие, часто осуществляемая логически продуманная умственная операция, при напряжении всех интеллектуальных усилий творческой языковой личности, будут способствовать инициированию бессознательного,

¹ «Личностный смысл» есть индивидуальная психологическая интерпретация не только языковых единиц, но и конкретных высказываний в зависимости от личного опыта индивида [Леонтьев, с. 289–291].

² «Информация, полученная в результате переработки ранее полученной, то существенное, что индивид выделяет в ней по собственной оценке, те выводы, к которым он приходит в результате, — его собственный субъективный идеальный продукт, новая информация в системе его знания (её соответствие объективной реальности удостоверяется практикой). Будем называть этот субъективный продукт индивидуального творческого процесса психическим отображением внеязыковой реальности» [Черняховская, с. 11–114].

мгновенно не осознаваемого, но адекватного интуитивного решения в новой коммуникативной ситуации [Убоженко, 2014].

Современные исследования процесса перевода невозможны без учёта творческого аспекта профессионального анализа данной многогранной умственной деятельности. Перевод — процесс творческий, требующий особой, возможно даже генетической, предрасположенности, некой врождённой креативной языковой способности. Однако мы оставляем за рамками данной статьи био-нейрофизиологический подход к изучению процессуальных свойств перевода и предлагаем его когнитивную модель, основанную на базовых постулатах семиотики и теории интерпретации текста, а также на отдельных положениях теории информации [Шпет³, Пирс, Лотман, Хомский, Наер, Черняховская].

Чарльз Пирс, признанный классик науки о знаках и знаковых системах, сам именовавший себя «пионером семиотики», известен своим тезисом о «триадических отношениях» — отношениях, устанавливаемых между знаками, которые рассматриваются как триединства так называемого репрезентанта, объекта и интерпретанта. Отрицая наличие у человека способности к интроспекции и интуиции, Пирс отдавал предпочтение умственным действиям, «ментальной активности», в ходе которой человек рассуждает и тем самым расшифровывает знаки окружающей действительности: «В этом случае каждая предшествующая мысль предпосылает (*suggests*) нечто мысли, следующей за ней, т. е. оказывается знаком для этой последней. ... Новый, неожиданный опыт никогда не является делом мгновения, но является *событием*, занимающим время и пришедшим к своему свершению через непрерывный процесс. Поэтому знаменательность (*prominence*) этого опыта для сознания должна быть, вероятно, венцом некоего *нарастающего процесса*» [Пирс, с. 117].

Позиция Пирса близка автору настоящей статьи, поскольку именно осознанное рассуждение в нашем подходе ставится во главу угла когнитивного анализа методических и, как следствие, процессуальных вопросов перевода. Переводческая интуиция, в свою очередь, понимается нами как своеобразная «обратная логика», которую можно взрастить на почве накопленного интеллектуального опыта переводчика в ходе обучающих тренингов, нацеленных на овладение аналитическими навыками интерпретации, или в процессе регулярной практической профессиональной деятельности.⁴

Понятийная трактовка термина «интерпретация» варьируется в зависимости от области его актуализации: философской, психологической, лингвистической и т. д. Рассмотрим наиболее характерные из толкований. Как известно, под интерпретацией текста традиционно понимается форма аналитической деятельности, на-

³ У истоков изучения проблематики толкования значения слов, познания и логики, понимания и многозначной интерпретации текстов стоит Густав Шпет [Шпет], о его идеях, изложенных в работах «Явление и смысл» (1914) и «Герменевтика и её проблемы» (1918), см. [Густав Шпет и его философское наследие].

⁴ В идеале нам, безусловно, видится совмещение того и другого, как, к примеру, в методике Дональда Кирали, убеждённого последователя социального конструктивизма, который в аудитории со своими студентами переводит реальные тексты, полученные от заказчиков (иногда данная работа в классе даже оплачивается) [Király, 1995; 2012]. Подход известен в методике преподавания как «метод проектного обучения», «проектная деятельность» и последовательно внедряется сегодня в отечественной высшей школе [Убоженко, 2016].

целенная на осмысление и экспликацию содержания текста как на основе языковой компетенции и субъективного восприятия, так и с учётом прагматических, структурно-композиционных, когнитивных, фоновых и других факторов [Наер, с. 5].

Понимание высказывания (текста) осуществляется комплексно и на нескольких уровнях: на поверхностном уровне (с опорой на языковые знания) и на уровне понимания глубинном, включающем интерпретацию (с учетом различных дополнительных факторов: условий коммуникации, намерения адресанта, его отношения к высказыванию, вербального и невербального контекста, фоновых знаний и т. д. — и соответствующих аналитических процедур) [Chomsky, p. 211–217]. Понимание дискурсивное, когнитивное, как правило, связывается с синтезирующим, собственно интерпретационным уровнем [Наер, с. 8]. В исследовательских целях разные уровни изучаются в их взаимодействии и могут быть представлены в виде конкретного алгоритма интерпретации, следуя которому и анализируя языковую форму, можно добиться оптимальной экспликации содержания, что и является конечной целью интерпретации [Наер, с. 13].

Что касается семиотического подхода к интерпретации, то, как отмечал А. В. Кравченко, всё, что можно принять за языковые объекты — так называемые конечные продукты языковой деятельности, которые говорящий производит сам и которые он получает от других говорящих, — является таковым только при поверхностном рассмотрении: «Всякий такой “продукт” не существует для говорящего иначе как в среде ассоциаций, интеллектуальных и эмоциональных реакций, непроизвольных воспоминаний, интуитивных и сознательных оценок. ...Свойства такого продукта (реплики диалога, устного высказывания, письменного текста)... неотделимы от бесконечно текущей среды многонаправленных мыслительных языковых действий, в которую наш “продукт” погружается и течение которой он, в свою очередь, изменяет самым фактом своего погружения. Всякий акт употребления языка — будь то произведение высокой ценности или мимолетная реплика в разговоре — представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта» [Кравченко, с. 37].

Далее автор справедливо указывал, что значение является своего рода способом закрепления опыта употребления данного предмета или знака в общественной практике. Чем больше вовлечённость той или иной сущности в сферу подручного опыта человека, тем больше у неё шансов выступать в роли знака, т. е. становиться формой, вмещающей некоторое содержание, обусловленное опытом интерпретатора. Опытный человек — это в первую очередь человек, способный извлечь массив информации из окружающей ситуации, т. е. это человек, который видит знак там, где неопытный человек его не видит. Следовательно, знаковость сущности есть функция, аргументом которой является опыт. Вслед за Н. И. Жинкиным [Жинкин, с. 18], который подчёркивал, что изначально всякий знак бессмыслен и «осмысление бессмысленного» происходит лишь при коммуникации, опытным путём, А. Ф. Лосев отмечал: «Коммуникация начинается с чувственного опыта и приводит к тому, что субъективность этого опыта снимается, преобразуясь в объективно значимое явление. Объективность определяется коммуникативными опытами множества людей и их прогнозами, часть которых при проверке оправдывается, а другая бракуется и забывается. Так возникает синтетический интеллектуальный опыт поколений, которым овладевает... каждый отдельный человек» [Лосев, с. 217]. В тер-

минах современной когнитивистики речь идёт в данном случае о так называемых неявных знаниях (“tacit knowledge”).

А. В. Кравченко полагал, что интерпретанта есть тогда, когда есть интерпретатор, способный воспринять и идентифицировать её именно как интерпретанту: «Интерпретатор знака — организм. Интерпретанта — это навык организма реагировать под влиянием знакового средства на отсутствующие объекты, существенные для непосредственной проблемной ситуации, как если бы они были налицо». Способность адекватно реагировать на знак напрямую зависит от степени разделённости общего опыта у отправителя знака и его получателя — опыта не только среды (мира) вообще, но и опыта этого знака. Отсутствие определенного опыта знака означает, строго говоря, отсутствие интерпретанты (т. е. отсутствие соответствующих условий для формирования реактивного навыка) [Кравченко, с. 43].

То, о чём в философском ключе писал А. В. Кравченко, а ещё ранее — известный лингвист и семиотик Б. М. Гаспаров, является классической отправной точкой любого когнитивного анализа: коммуникативная реальность, разделяемая всеми участниками акта коммуникации (“shared reality”) как залог адекватной экспликации заложенных в дискурс пресуппозиций и импликатур. Современная семиотика и лингвистика текста не ограничивают понятие языкового знака определенными единицами языка: языковой знак сопряжён с конкретными людьми, которые отправляют и получают его и по-своему интерпретируют, вкладывая в его значение и понимание нечто своё [Гаспаров].

Таким образом, если говорить о процессе перевода, то, при неизменной интерпретанте, важную роль в нём играет сам интерпретатор и его личный опыт [Латышев, Семёнов, с. 79].

Изученная критически разноплановая литература по теме исследования даёт возможность сформулировать главные теоретические аксиомы, положенные в основу предлагаемой в статье творческой модели переводческого процесса.

1. Значительную часть объекта изучения в переводоведении занимает сфера интуитивного, субъективного, индивидуального.
2. Переводческий процесс является эвристическим и включает в себя последовательность этапов выбора вариантов среди других возможных. Данные этапы представляют собой умственные операции (творческого характера и часто осуществляемые подсознательно (интуитивно)), которые производит переводчик, основываясь на своих знаниях, коммуникативной компетенции и способности оценивать когнитивные и культурологические черты рецепторов перевода.
3. В переводе как процессе творческом возможно различать два вида интуиции: концептуальную и эйдетическую [Кармин, Хайкин, с. 19–39].
4. Чтобы обнаружить и описать умственные процессы, приводящие к выбору и интерпретации языковых единиц, необходимо попытаться описать процесс, в ходе которого переводчик формирует представление о вариантах перевода, результатом чего является принятие того или иного переводческого решения.
5. Анализ причин, способов, стадий и разновидностей выбора в ментальных операциях переводчика имеет важное теоретическое и прикладное значение, так как предполагает попытку заглянуть в так называемый чёрный ящик переводчика с целью наблюдения процессов работы его мозга.

Перевод — это творческая интеллектуальная деятельность, заключающаяся в передаче некоторой когнитивной информации с языка-источника на язык перевода. В процессе передачи таковой информации основную функцию выполняет переводчик как языковая личность, владеющая обоими необходимыми для осуществления межъязыковой и межкультурной коммуникации языками [Черняховская, с. 63–83]. Следует сказать, что научное изучение особенностей переводческого процесса с позиций различных теорий информации крайне актуально, поскольку описание главных параметров переводческих действий позволяет выявить общие механизмы, характерные для поисково-информационной сферы в целом [Крупнов].

Деятельность переводчика требует определённого интеллектуального напряжения: только при достаточно верно идентифицированной структурно-семантической эквивалентности разноуровневых единиц перевода (слово, словосочетание, предложение и т. д.) в исходном и переводящем языках перевод будет достаточно точным, адекватным [Солодуб]. Даже работа над относительно несложным текстом требует от переводчика проявления индивидуального творчества. С усложнением текста оригинала возможности такого творчества расширяются. Очевидно, что переводчик активно использует в своей работе формальные эквиваленты, но задача выбора адекватного контекстуального соответствия и необходимость принятия в переводе нешаблонных решений доказательно демонстрирует творческий подход к реализации переводческой деятельности.

В своих статьях “Intuition in Translation” [Komissarov, 1995] и “On Linguistic Basis of Creativity in Translation” [Komissarov, 1996] В. Н. Комиссаров описывал процесс перевода как творческий и во многом интуитивный. В частности, он полагал, что наличие креативности зачастую принимается как само собой разумеющееся и не являющееся предметом дальнейшего анализа. В результате творчество в переводе является чем-то загадочным и неверно истолкованным. Он считал совершенно очевидным, что теория перевода не может игнорировать креативный аспект переводческой деятельности, даже если глубокое изучение данной проблемы затруднено нашим неполным пониманием работы человеческого мозга. Изучение креативности должно пролить свет на наиболее существенные черты переводческого процесса, который можно обозначить как набор умственных операций, производимых переводчиком для получения конечного текста (на языке перевода).

Так как задача состоит в том, чтобы попытаться смоделировать умственные процессы, приводящие к выбору и интерпретации языковых единиц, необходимо обратиться к методам когнитивной психологии и психолингвистики. Наиболее наглядным долгое время оставался метод «думай вслух» Г. Крингса, на основе интроспективного эксперимента раскрывающий этапы переводческого процесса. Разработанная процедура анализа позволила тогда получить сведения о трёх важных аспектах переводческого процесса. Во-первых, были выявлены различные типы переводческих трудностей. Во-вторых, была определена общая стратегия переводчика. В-третьих, удалось обнаружить некоторые принципы, которыми руководствовался переводчик при выборе окончательного варианта перевода.

Следует заметить, что метод всё же неполно отражал реальный процесс, поскольку часть его может осуществляться интуитивно, не осознаваться и не озвучиваться переводчиком. Кроме того, далеко не каждый переводчик способен достаточно полно и правдиво описать, о чём он думает в момент принятия перевод-

ческого решения. Размышления о переводе, по-видимому, возможны лишь после его окончания. Выбор переводческих решений и осознание причин именно такого выбора — несовместимы: наблюдение над самим собой разрушает собственно процесс перевода [Комиссаров, 2002]. Переводчику приходится работать в одном, а не в двух параллельных режимах. Рефлексия по поводу этого процесса и его результата оказывается вторичной и свёрхосознанной, рефлексией по поводу рефлексии: вторичная рефлексия накладывается на первичную/неосознанную, в которой и подыскиваются рациональные основания для принятых решений. Профессор Ю. А. Сорокин был прав, когда писал, что, пытаясь реконструировать характер вторичной/неосознанной рефлексии, возможно лишь приблизительно её описать: «... Она внесловесна, негомогенна, в ней как некотором едином содержатся все возможные “мыслимые” решения (весь набор ложных и истинных решений), она, вне всякого сомнения, является супраобразом, внутри которого происходит сличение и совмещение микрообразов исходного и будущего переводного текста» [Базылев, Сорокин, с. 79].

Тем не менее эксперимент Крингса продемонстрировал, что интуитивное принятие решения обусловлено и самой природой человеческого мышления, и специфическими факторами, влияющими на процесс выбора. Все умственные процессы, включая перевод, могут базироваться на аналитических процедурах или являться результатом эвристических догадок, внезапных озарений, которые сокращают путь к финальному выбору. Теория перевода не может игнорировать этот факт и ограничивать сферу своего исследования до пределов сознательного, объективного и поддающегося объяснению. В то же время интуитивный аспект перевода не отвечает критериям научного исследования в привычном понимании этого процесса, — следовательно, и методы анализа данного аспекта в переводе должны быть другими [Комиссаров, 2002].

В. Н. Комиссаров указывал, что изучение процесса перевода осложняется тем, что он является результатом мыслительных операций, происходящих в мозгу переводчика и недоступных для непосредственного наблюдения. Исследователю поэтому приходится прибегать к различным косвенным средствам, чтобы заглянуть в переводческую «кухню». Наиболее очевидным представляется выделение в процессе перевода каких-то этапов, которые могут проходить одновременно или следовать один за другим: во-первых, этапа понимания и, во-вторых, этапа собственно перевода, создания текста на другом языке. Некоторые авторы предлагают выделять и третий этап — этап редактирования, окончательной шлифовки перевода.

2. Отправные теоретико-методологические положения исследования

Поскольку процессы порождения и восприятия текстов (речи) давно исследуются в языкознании и психологии, переводоведение может использовать при изучении процесса перевода данные этих наук, предполагая, что протекание этих процессов у переводчика может быть принципиально отличным от их протекания у других, «обычных» людей. Как это ни тривиально звучит, переводчик должен понимать переводимый текст более глубоко, чем это обычно делает усреднённый читатель, для которого язык оригинала является родным. Такая дополнительная глубина понимания связана с необходимостью, во-первых, делать окончательные

выводы о содержании текста и, во-вторых, учитывать требования языка перевода. В своей наиболее существенной части процесс перевода протекает в мозгу переводчика и поэтому без специальной аппаратуры не доступен для наблюдения⁵. Более того, многие умственные действия переводчика (перебор вариантов с постепенным приближением к оптимальному) происходят за порогом его сознания, поэтому даже самонаблюдения опытных переводчиков-практиков и теоретиков перевода, имеющих богатейший опыт практической работы, не могут дать реальной картины происходящего. По этой причине говорить о характере переводческих действий и операций возможно лишь гипотетически, опираясь главным образом на результаты сопоставления текстов оригинала и перевода, прогнозируя при этом, как и с помощью каких приёмов переводчик приходит от исходного материала к конечному. Такой способ исследования процессов, недоступных для непосредственного наблюдения, достаточно распространён в современной науке и получил наименование метода логического моделирования [Латышев, Семёнов, с. 116].

Любой реальный процесс перевода проходит множество этапов, характер которых зависит от индивидуальности переводчика и специфики переводимого произведения. Целесообразно выделять минимум два этапа: анализ и синтез. Анализ и синтез при этом понимается в традиционном смысле, по Б.И. Ярхо: «Анализ в готовом виде есть описание, и притом описание, стремящееся к полноте» [Ярхо, с. 519]. Для перевода первостепенную роль играют доминантные отношения. На этапе синтеза и происходит выделение этих отношений, т. е. анализ проясняет факты, синтез — отношения. В пользу вышеуказанного бинарного описания говорит и эволюция взглядов такого видного переводоведа, как И. Левый. В своих ранних работах он выделял в процессе перевода три этапа: понимание, интерпретацию и перевыражение подлинника. Неопределенность, связанную с подобным рассмотрением, он разрешил в одной из последних работ, где выделил только два этапа: рецептивный, подразумевающий понимание оригинала, и генетический, подразумевающий создание эквивалента [Левый].

Однако один из первых исследователей творческой деятельности как психологического процесса философ П.К. Энгельмейер разделял её реализацию на три части:

- 1) акт выдвижения гипотезы;
- 2) акт творчества;
- 3) акт логически проработанной идеи [Энгельмейер].

Три этапа перевода выделяли Ю. Найда и переводоведы его школы: анализ (сведение оригинала к ядерным конструкциям); переключение (перенос значения в язык перевода на основе этих конструкций); изменение структуры (порожденные стилистически и семантически эквивалентного выражения в языке перевода) [Найда].

Роджер Белл в монографии о переводе как продукте и переводе как процессе (1991) в рамках когнитивного подхода [Bell, 1988] особое внимание уделял исследованию процессов семантической памяти переводчика. Он подчёркивал, что между первым и последним этапом процесса перевода (извлечением смысла из тек-

⁵ Мы намеренно оставляем вне поля данной статьи современные нейроподходы к изучению процесса перевода, обозначив их пока лишь в качестве перспектив нашего исследования.

ста оригинала и вербальным оформлением этого смысла средствами другого языка соответственно) лежит сложный этап синтеза и анализа полученной информации с целью её адекватной семантической репрезентации в переводе. [Bell, 1991, p. 21]. В более подробном рассмотрении данных этапов, наряду с восприятием требующей перевода единицы, попыткой её понять, выдвинуть гипотезу о возможном переводческом решении и затем операционализировать её, Белл выделял этап проверки выдвинутой гипотезы и этап прогнозирования (как индуктивного, так и дедуктивного) [Bell, 1991, p. 30].

Ниже представлена схема переводческого процесса, предложенная теоретиком перевода Эрнстом Гуттом:

- 1) стимул — языковое высказывание, которому приписывается конкретное семантическое оформление;
- 2) контекст — определенное количество вариантов, которые отбираются из «когнитивного окружения», вся сумма знаний переводчика;
- 3) интерпретация — формирование окончательного варианта на основе семантического оформления и контекста [Gutt].

Профессор А. Ф. Ширяев, рассматривая синхронный перевод, отмечал, что деятельность переводчика и каждое его действие состоят из

- 1) фазы ориентирования в условиях задачи и выбора плана действий (действия),
- 2) фазы осуществления,
- 3) фазы сопоставления результата с намеченной целью [Ширяев].

Другие многочисленные исследования были направлены на детализацию отдельных «актов», при этом, что было предсказуемо, происходило их дробление. Так, одной из самых ранних работ (1926), где процесс творчества содержал уже четыре фазы, была знаменитая книга социального психолога Грейама Уолласа «Искусство мыслить». В ней этап выдвижения идеи автор расчленил на две части:

- 1) фаза подготовки идеи;
- 2) фаза созревания (инкубации, вынашивания) идеи;
- 3) фаза озарения;
- 4) фаза проверки [Wallas].

Общая стратегия реализации перевода, предложенная В. Н. Крупновым, выглядит так:

1. Опознание слов и общей структуры текста (при первом его прочтении).
2. Критическое (исчерпывающее) уяснение (понимание) оригинала.
3. Процесс передачи воспринятой информации.
4. Завершающее осмысление и сопоставление перевода (в рамках более широкого контекста) [Крупнов].

С целью если не исчерпывающего, то более демонстративного сравнения проиллюстрируем и четырёхступенчатую схему этапов творческого процесса, предложенную немецким переводоведом Вольфрамом Вильссом:

- 1) подготовка (накопление материалов);
- 2) обдумывание;
- 3) оформление;

4) контроль результатов⁶ [Wilss].

В. Н. Комиссаров рассматривал вопрос об «этапах» переводческого процесса ещё в одном из самых ранних своих трудов, в книге «Слово о переводе» (1973), опубликованной в 70-е годы теперь уже прошлого столетия. Он предполагал, что реальный процесс перевода развивается, по-видимому, линейно, и самостоятельными этапами в этом процессе оказываются лишь комплексы действий, необходимых для перевода отдельного отрезка текста. «Однако в пределах каждого такого комплекса можно различать два вида действий, составляющих, хотя и несамостоятельные, но достаточно ясно выделяемые этапы, которые могут, с известными оговорками, описываться раздельно. К первому такому этапу будут относиться действия переводчика, связанные с «извлечением» информации из оригинала. Ко второму — вся процедура выбора необходимых средств в языке перевода» [Комиссаров, с. 162].

В своих поздних трудах В. Н. Комиссаров в итоге указывал на три умственных операции, которые происходят во время творческого процесса:

- 1) интерпретация: а) семантизация, б) умозаключения (выводы), в) смысл, значение;
- 2) выбор: отбор «значимых кирпичиков» (языковых единиц) и их комбинирование в зависимости от цели перевода, взвешивание семантических и стилистических характеристик каждого из возможных вариантов;
- 3) инновация: выбор окончательного варианта [Komissarov].

Таким образом, все названные выше авторы указывают на три или четыре умственных операции, которые, по их предположению, происходят во время творческого процесса в голове переводчика. В их представлении этапы переводческого творчества во многом сходны. Первый — осмысление текста и опознание отдельных слов и фраз. Далее — более глубокое уяснение смысла как отдельных единиц текста, так и его более крупных сегментов. Третий этап — воссоздание понятого. И наконец, последняя стадия — контрольная проверка или так называемое само-редактирование.

Для моделирования переводческого процесса по-прежнему актуальны и могут быть продуктивно использованы традиционные положения психолингвистики о структуре речевой деятельности. Как и в любой человеческой деятельности, в речевой деятельности можно выделить несколько этапов. Вначале у человека возникает мотив, побуждающий к действию, затем цель, которую он стремится достичь для удовлетворения мотива с помощью речевого произведения, внутренняя программа будущего высказывания, построение высказывания во внутренней речи и, наконец, вербализация его в устной или письменной речи. Для теории перевода особое значение имеют те данные психолингвистических исследований, которые свидетельствуют о том, что внутренняя программа речепроизводства формируется не на базе естественного языка, а на индивидуальном предметно-образном — мы называем его перцептивным — коде человека. Эта программа представляет в сжатой форме замысел высказывания и может затем развёртываться средствами лю-

⁶ Процесс обдумывания и оформления можно считать единым этапом комбинирования элементов исходного знания, следуя схеме, предложенной в своё время А. С. Карминым и Е. П. Хайкиным [Кармин, Хайкин].

бого языка, которыми этот человек владеет. Поскольку переводчик также осуществляет речевую деятельность, создавая текст перевода, процесс перевода должен проходить через те же этапы, но при весьма существенном отличии: внутренняя программа переводчика создаётся не им самим, а представляет собой свёрнутое содержание оригинала.

Тогда процесс перевода может быть представлен следующим образом. На первом этапе переводчик «переводит» понятие им содержание оригинала на свой «язык мозга» в виде внутренней программы (замысла высказывания), а на втором — развёртывает эту программу на другом языке, как делает любой говорящий на этом языке [Комиссаров, 2000].

Одним из способов взаимодействия с неопределённостью ситуации может выступать интуиция. Как замечали К. Томпсон и Д. Доудинг, неопределённость, с которой имеет дело интуиция, может выражаться как в неопределённости информации или исхода ситуации, так и в неопределённости предпочтений человека [Thompson, Dowding].

Во многих работах по психологии принятия решений и по социальной психологии обсуждается вполне возможная ошибочность так называемых случайных решений и суждений человека в случае, если они продуцируются быстро, без предварительного обдумывания, без применения рациональных и логических стратегий анализа ситуации. В качестве эмпирического материала авторы исследуют преимущественно суждения человека, вынесенные на основе разного рода ментальных упрощений: эвристик, иллюзорных корреляций, предвзятости и т. д. А. Тверски и Д. Канеман, к примеру, под эвристиками понимали быстрые, упрощённые по сравнению с рациональным обдумыванием способы принятия решения [Tversky, Kahneman, p. 1127–1130]. Часто в результате их применения суждение выносится на основе недостаточной или неадекватной информации. Решение данного типа можно охарактеризовать как прыжок от наличной информации к выводам, осуществляемый без промежуточных звеньев, на основе одного или нескольких ключевых признаков ситуации [Ильин].

Переводчик-востоковед, отечественный психолингвист Ю. А. Сорокин полагал, что, поскольку результатом перевода является создание речевого произведения, есть основание думать, что психолингвистическая модель речевой деятельности в общем и целом правильно описывает и процесс перевода, хотя и нуждается в некотором уточнении. Как уже отмечалось, замысел речевого высказывания не содержит готовых языковых единиц, и говорящий развёртывает свою внутреннюю программу, самостоятельно выбирая языковые средства. Поскольку переводчик ограничен в свободе выбора этих средств необходимостью как можно полнее передать содержание оригинала, то он должен обладать дополнительной информацией, которая позволит ему сделать правильный выбор. Такую информацию он может иметь либо если его внутренняя программа будет принципиально иной, включая указания о способе развёртывания (что теоретически маловероятно), либо если в процессе её развёртывания он вновь обращается к оригиналу, соизмеряя с содержанием и формой исходного текста выбор языковых средств [Базылев, Сорокин, с. 79].

Профессор Ю. А. Сорокин размышлял в своих работах: «Много сложностей возникает и при переводе поэтических произведений. Рифмы как причины появления перифраз? Скорее всего, в этом дело. И ещё: если нерифмованные стихи можно

переводить рифмованными, то почему «запрещается» устранять рифмы в рифмованных стихах? Логичный приём? Конечно. Но все-таки — «запрещённый». Почему же тогда допустимо приклеивание рифм? Переводческие парадоксы? Или все та же инерция, поэзия (стихи) — это то, что орифмлено? Может быть, ответ нужно искать в структуре психотипа переводчика? В генотипических основаниях его личности? В избирательности его тезауруса и идиолекта? В ориентации на продуктивность или репродуктивность?»⁷ Вывод учёного о том, что текст есть не только генератор новых смыслов [Лотман], но и «конденсатор культурной памяти», крайне важен для понимания природы литературного художественного творчества вообще и творчества переводческого в частности: «Текст обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах. Если бы текст оставался в сознании воспринимающего только самим собой, то прошлое представлялось бы нам мозаикой несвязанных отрывков. Но для воспринимающего текст — всегда метонимия реконструируемого целостного значения, дискретный знак недискретной сущности. Сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность и которые определённым образом инкорпорированы в нём, может быть названа памятью текста. Это создаваемое текстом вокруг себя смысловое пространство вступает в определённые соотношения с культурной памятью (традицией), отложившейся в сознании аудитории. В результате текст вновь обретает семантическую жизнь» [Базылев, Сорокин, с. 10].

3. Результаты и дидактические рекомендации

С учётом сказанного выше предлагаемая нами когнитивная схема протекания процессов, приводящих к принятию переводческого решения, претендует на более полное и подробное описание этапов творческого поиска переводчиком оптимального решения.

1. *На первом этапе* формируется так называемый фон познавательного процесса⁸, для чего переводчику необходим целый комплекс лингвистических, металингвистических и экстралингвистических знаний, а именно:

- 1) владение как минимум двумя иностранными языками;
- 2) общая эрудиция;
- 3) объём знаний в области теории языкознания, лексикологии, стилистики и других лингвистических дисциплин;
- 4) фоновые знания (учёт переводческой ситуации, представление о сходствах и различиях языковых и концептуальных картин мира разных национально-культурных сообществ);
- 5) определённый объём знаний по теории перевода, представление о непосредственной связи теории и практики перевода;

⁷ «В качестве «бессознательного» приёма, используемого для конструирования и оригинальных, и переводных текстов, могут служить этнодифференцирующие культуремы-зооморфизмы, культуремы-цветообозначения и культуремы, обозначающие чувства и волеизъявления, особым образом специфицирующие текст. Как показали результаты экспериментального исследования Н. В. Дмитриук, учёт подобия / частичного подобия / неподобия этих культурем также необходим, если соблюдать в переводческой деятельности принцип функциональной адекватности текста на ИЯ тексту на ПЯ» [Базылев, Сорокин, с. 79].

⁸ О заимствованном термине и его значении см. подробнее: [Кармин, Хайкин].

- 6) профессиональная переводческая компетенция, включающая языковую, текстообразующую, коммуникативную, когнитивную, техническую компетенцию, а также особый набор личностных характеристик;
- 7) знания в области психологии, социологии, философии, политологии, а также широкого спектра лингвистических дисциплин, релевантных для теории перевода — от лингвистики текста до психолингвистики, включая контрастивную лингвистику, социолингвистику, прагмалингвистику и др.;
- 8) знание «экстрапереводческих» дисциплин: истории культуры и литературы, социокультурных и страноведческих исследований;
- 9) представление о влиянии культуры, истории, традиций и обычаев страны, с языком которой работает переводчик, на характер перевода, подбор лексики, её стилистическое и фонетическое оформление;
- 10) представление о влиянии фонологического эффекта — звуковых особенностей речи, её ритмической организации — на фонетическое оформление перевода;
- 11) представление о связи характера перевода с автором исходного текста, учёт авторской интенции⁹.

2. *Второй этап* — этап комбинирования различных элементов исходного знания:

- 1) формирование в сознании переводчика представления обо всех возможных версиях, вариантах перевода той или иной единицы перевода (слова, словосочетания и т. д.);
- 2) сравнение вариантов по смыслу с учётом контекста, стилистическое оформление высказывания;
- 3) подбор наиболее близких по смыслу эквивалентов.

3. *Третий (заключительный) этап* есть конечный результат всего процесса:

- 1) принятие переводческого решения [Убоженко, с. 35–40]: выбор оптимального переводческого соответствия (эквивалента) с учётом идиоматичности (несвободной сочетаемости) [Апресян];
- 2) формирование окончательного вербализованного переводческого высказывания.

Подготовка переводчиков-профессионалов должна базироваться на глубоком осознании факторов, необходимых для создания оптимального перевода, а также изучении объективных методов описания переводческого процесса. Творческая способность переводчика к интерпретации исходного материала может быть сформирована как на практике, в процессе работы, так и путём соответствующего тренинга и специально разработанного комплекса упражнений на занятиях¹⁰.

⁹ Пункты 1–11 см. подробнее: [Snell-Hornby, p. 32–35].

¹⁰ Подробнее с социально-коммуникативными и социокультурными факторами, влияющими на работу профессиональных устных переводчиков (синхронистов, судебных и социальных, дипломатических и военных переводчиков), можно ознакомиться в монографии Франца Пёххакера [Röchhaker]. Заметим, как уже отмечалось в начале статьи, что мы не ставим задачу в данной работе рассмотреть отличительные особенности и процессуальные характеристики перевода, чётко разграничив их, в зависимости от конкретного вида перевода. Наша задача — предложить относительно универсальную когнитивную модель, с уклоном в дидактическую составляющую (в терминах Пёххакера — модель «образовательного» (“educational”) перевода).

Не случайно отдельные попытки инициировать интуитивный компонент переводческого творчества можно обнаружить в некоторых методических рекомендациях по преподаванию перевода. Так, среди примеров методических целей переводческих упражнений преподаватель Л. К. Латышев [Латышев, с. 223–311], признанный авторитет в профессиональных переводческих и переводоведческих кругах, указывает в своём учебном пособии следующие:

- 1) развитие умения избегать в переводе таких крайностей, как буквализм и вольность, чувствовать при выборе вариантов золотую середину;
- 2) профилактика «дурной» дословности в переводе, развитие умения решать проблемы узуса при переводе стандартных словосочетаний, ориентируясь не на отдельные его компоненты, а на словосочетание в целом;
- 3) развитие «чувства хорошего перевода»: профилактика переводческих ошибок, развитие умения находить оптимальный вариант перевода в процессе редактирования;
- 4) развитие умения решать в переводе проблему передачи имплицитного (неявного) содержания, базирующегося на знании определенных социально-исторических обстоятельств;
- 5) развитие умения воспринимать и передавать содержание на уровне интерпретатора в тех случаях, когда это требует догадки;
- 6) развитие навыка перебора вариантов в процессе поиска оптимального варианта перевода.

Л. К. Латышев подчёркивает, что для перевода характерна множественность хороших решений, их конкуренция: когда один вариант перевода в чём-то превосходит другой и в чём-то уступает. Совместить всё положительное в одном варианте не всегда возможно: «Однако в подавляющем большинстве случаев оптимальное переводческое решение не является... единственным. ...Множественность конкурирующих друг с другом переводческих решений представляет собой «природное» свойство перевода. ...Перебирая варианты перевода, переводчик стремится выбрать и совместить в одном лучшее из некоего множества возможных решений. Специфическая особенность этого выбора в том, что... переводчику никто не представит готовое множество вариантов. ...Переводчик должен сам создать это множество и сам сделать выбор» [Латышев, с. 272].

Тренировка в области перевода должна приводить к образованию свёрнутого опыта. Что такое свёрнутый опыт? Это умение переводчика решить ряд проблем сразу на основе творческой интуиции¹¹. Профессиональный переводческий труд совершенствуется постепенно. В своё время, анализируя трудовую деятельность человека, А. Н. Леонтьев отмечал, что из системы соподчинённых действий постепенно формируется «единое сложное действие» [Леонтьев], то самое наивное или неявное, опытное, интуитивное знание (“tacit knowledge”¹²). Следовательно, необходима целенаправленная подготовка в области перевода, в ходе которой роль свёрнутого опыта становится особенно заметной [Убоженко, 2014, с. 34–41].

¹¹ Подробнее о так называемом имплицитном научении см.: [Степаносова].

¹² Дискуссию о сходствах и различиях так называемого таситного знания и интуиции мы так же оставляем за рамками данной статьи. См. подробнее: [Ильин].

Основой развития творческих и интерпретативных навыков переводчика является инициирование той самой загадочной переводческой интуиции, которая, на наш взгляд, представляет собой не что иное, как актуализацию накопленного и компактно свёрнутого в памяти, сознании и подсознании когнитивного опыта человека. Данный опыт включает в себя, помимо всего прочего, и определённый типологизированный инструментальный набор уже освоенных эмпирических решений. В терминах синергетики данный процесс реализуется как самодостраивание структуры (визуальных и мысленных образов, идей, представлений) на поле и мозга, и сознания, как минимум на двух его стадиях, а именно комбинирования (сравнивания) и принятия окончательного решения. При этом объяснить, почему данный выбор был наилучшим в неопределённой ситуации, можно только постфактум, когда известен конкретный результат, но не в момент возникновения так называемого интуитивного предчувствия.

Таким образом, в данной статье предпринята попытка продемонстрировать, что по сравнению с традиционными лингвистическими методами когнитивная модель перевода представляется наиболее адекватной при описании как собственно творческого компонента переводческого процесса, так и часто сопровождающих его элементов интуитивного озарения. Экспликация этапов принятия переводческих решений и осознанных мотивировок индивидуального переводческого выбора может и должна быть положена в основу дидактических рекомендаций по обучению переводу, методических алгоритмов развития лингвистических и переводческих творческих способностей и способов тренировки интуитивных языковых навыков¹³.

Перспективными направлениями будущих исследований творческого процесса перевода, реализуемого в человеческом мозге, в настоящее время, с нашей точки зрения, могут быть когнитивные, нейролингвистические и психофизиологические подходы к его моделированию с использованием всего современного арсенала методов нейронауки.

Литература

- Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1: Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры, 1995. 480 с.
- Базылев В. Н., Сорокин Ю. А. Интерпретативное переводоведение: пропедевтический курс. Ульяновск: УлГУ, 2000. 183 с.
- Гаспаров Б. М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
- Густав Шпет и его философское наследие: У истоков семиотики и структурализма / под ред. Т. Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2010. 527 с.
- Жинкин Н. И. Интеллект, язык, речь // Нарушение речи у дошкольников / сост. Р. А. Белова-Давид. М.: Просвещение, 1972. С. 9–31.
- Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одарённости. СПб.: Питер, 2009. 448 с.
- Казакова Т. А. Художественный перевод: теория и практика. СПб.: ООО «ИНЪЯЗИЗДАТ», 2006. 535 с.
- Кармин А. С., Хайкин Е. П. Творческая интуиция в науке. М.: Знание, 1971. 48 с.
- Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М.: Международные отношения, 1973. 216 с.
- Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций. М.: ЭТС, 2000. 192 с.
- Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2004. 424 с.

¹³ См. подробнее: [Убоженко, 2014].

- Кравченко А. В. Знак, значение, знание: Очерк когнитивной философии языка. Иркутск: Иркутская областная типография, 2001. 262 с.
- Крупнов В. Н. Практикум по переводу с английского языка на русский. М.: Высшая школа, 2005. 279 с.
- Латышев Л. К. Технология перевода. М.: Академия, 2008. 320 с.
- Латышев Л. К., Семёнов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: Академия, 2003. 192 с.
- Левый И. Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. 395 с.
- Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. 2-е изд., доп. М.: Мысль, 1965. 572 с.
- Лосев А. Ф. Знак, символ, миф. М.: МГУ, 1982. 479 с.
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, 2014. 413 с.
- Наер В. Л. Из лекций по теоретическим основам интерпретации текста. М.: МГЛУ, 2001. 76 с.
- Найда Ю. Наука перевода // Вопросы языкознания. 1970. № 4. С. 7–12.
- Пирс Ч. С. Логические основания теории знаков / пер. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. СПб.: Алетей, 2000. 352 с. (Метафизические исследования. Приложение к альманаху).
- Пирс Ч. С. Начала прагматизма / послеслов. В. Ю. Сухачева; пер. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. СПб.: Алетей, 2000. 318 с. (Метафизические исследования. Приложение к альманаху).
- Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б., Кузнецов А. Ю. Теория и практика художественного перевода. М.: Академия, 2005. 297 с. (Высшее профессиональное образование. Филология)
- Степаносова О. В. Современные представления об интуиции // Вопросы психологии. 2003. № 4. С. 17–33.
- Убоженко И. В. Лингвистическое творчество, переводческая интуиция и перспективы нейроисследований: Открытая лекция в Государственном литературном музее // Корпоративный проект НИУ ВШЭ «Лекционные четверги в музеях Москвы». 13 марта 2014 г. URL: http://www.youtube.com/watch?v=dGile_Cy9tc (дата обращения: 21.10.2016).
- Убоженко И. В. Проектное обучение как инновационная форма развития исследовательской компетенции в высшей школе // Актуальные задачи, современные технологии и перспективы переводческой отрасли в России: матер. VI междунар. переводческой конф. «Всероссийский переводческий Форум 2015» (Москва, 26–28 июня 2015 г.). Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2016. С. 110–119.
- Убоженко И. В. Переводческое творчество и интуиция // Мир перевода. 2014. № 2 (32). С. 34–41.
- Хомский Н. Язык и мышление / пер. Б. Ю. Городецкого; под ред. В. В. Раскина. М.: МГУ, 1972. 122 с. (Публикации Отделения структурной и прикладной лингвистики. Сер. переводов. Вып. 2).
- Чернышевская Л. А. Информационный инвариант смысла текста и вариативность его языкового выражения: дис. ... д-ра филол. наук. МГПИИЯ. М., 1983. 321 с.
- Ширяев А. Ф. Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979. 183 с.
- Шпет Г. Г. Мысль и слово: Избранные труды / под ред. Т. Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2005. 688 с. (Российские Пропилеи)
- Энгельмейер П. К. Теория творчества. СПб.: Образование, 1910. 210 с.
- Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения: (набросок плана) // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. 1969. Вып. 326. С. 515–526.
- Bell R. T. Translation and translating: Theory and practice. London; New York: Longman, 1991. 318 p.
- Bell R. T. Psycholinguistic / cognitive approaches // Encyclopedia of Translation Studies / ed. by M. Baker. London; New York: Routledge, 1998. P. 185–190.
- Chomsky N. Deep structure, surface structure and semantic interpretation // Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology / eds. D. Steinberg, L. Jakobovits. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1971. P. 183–216.
- Gutt E. Translation and Relevance: Cognition and Context. Manchester; Boston: St. Jerome Pub.: Routledge, 2000. 279 p.
- Kiraly D. C. Pathways to Translation: Pedagogy and Process. Kent: Kent State Univ. Press, 1995. 190 p. (Translation studies. 3)
- Kiraly D. C. Distributed cognition in the translation classroom: PhD course / Interviewed by A. Pym. 9 May 2004. Published: 9 Nov. 2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kQsGSKFsDM> (дата обращения: 21.10.2016).
- Komissarov V. N. Intuition in Translation // Target. 1995. Vol. 7, N 2. P. 347–354.

- Komissarov V. N. On Linguistic Basis of Creativity in Translation // *Quaderni di Libri e Riviste D'Italia*. 1996. N 33. P. 57–71. (La Traduzione: Saggi E Documenti).
- Peirce C. S. On a New List of Categories // *Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences*. 1868. Vol. 7. P. 287–298.
- Pöschhaker F. *Introducing Interpreting Studies*. London: Routledge, 2004. 264 p.
- Psycholinguistic and Cognitive Inquiries into Translation and Interpreting / eds. A. Ferreira, J. W. Schwieter. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2015. 213 p. (Benjamins Translation Library. 115).
- Snell-Hornby M. *Translation Studies: An integrated approach*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1988. 180 p.
- Thompson C., Dowding D. Responding to Uncertainty in Nursing Practice // *International Journal of Nursing Studies*. 2001. Vol. 38, Nr. 5. P. 609–615.
- Tversky A., Kahneman D. Judgement under Uncertainty: Heuristics and Biases // *Science*. 1974. Vol. 185, N 4157. P. 1124–1131.
- Wallas G. *The Art of Thought*. Tunbridge Wells: Solis Press, 2014. 202 p.
- Wilss W. *Knowledge and Skills in Translator Behavior*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1996. 272 p. (Benjamins Translation Library. 15)

Для цитирования: Убоженко И. В. О когнитивном моделировании интуиции и творчества в переводе: интерпретативно-семиотический подход // *Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2016. Вып. 4. С. 122–141. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.410.

References

- Apresyan I. D. *Izbrannyye trudy: V 2 t. [Selecta: In 2 vols.]*. Vol. 1: Leksicheskaia semantika. Sinonimicheskie sredstva iazyka [Lexical Semantics. Synonymous Resources of Language]. Moscow, Jazyki russkoi kul'tury, Vostochnaia literatura Publ., 1995. 480 p. (in Russian)
- Bazylev V. N., Sorokin I. A. *Interpretativnoe perevodovedenie: propedeuticheskii kurs [Interpretive Translation Studies: a Propaedeutic Course]*. Ulyanovsk, Ulyanovsk State Univ. Publ., 2000. 183 p. (in Russian)
- Bell R. T. Psycholinguistic / cognitive approaches. *Encyclopedia of Translation Studies*. London, New York, Routledge, 1998, pp. 185–190.
- Bell R. T. *Translation and translating theory and practice*. London, New York, Longman, 1991. 318 p.
- Cherniakhovskaia L. A. *Informatsionnyi invariant smysla teksta i variativnost' ego iazykovogo vyrazheniia [Information Invariant of Text Message and Language Variety of its Verbalization]*. PhD dissertation (Philology). Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages (now — Moscow State Linguistic University), Moscow, 1983, 321 p. (in Russian)
- Chomsky N. Deep structure, surface structure and semantic interpretation. *An Interdisciplinary Header in Philosophy, Linguistics and Psychology*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1971, pp. 183–216.
- Engel'meier P. K. *Teoriia tvorchestva [Theory of Creativity]*. St. Petersburg, Obrazovanie Publ., 1910. 210 p. (in Russian)
- Gasparov B. M. *Iazyk, pamiat', obraz. Lingvistika iazykovogo sushchestvovaniia [Language, Memory, Image. Linguistics of Language Being]*. Moscow, New literary observer Publ., 1996. 352 p. (in Russian)
- Gustav Shpet i ego filosofskoe nasledie. *U istokov semiotiki i strukturalizma [Gustav Shpet and his Philosophical Heritage. Origins of Semiotics and Structuralism]*. Ed. by T. G. Shchedrina. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 527 p. (in Russian)
- Gutt E. *Translation and Relevance: Cognition and Context*. Manchester, Boston, St. Jerome Pub., Routledge Publ., 2000. 279 p.
- Iarkho B. I. Metodologiya tochnogo literaturovedeniia [Methodology of Accurate Literature Studies]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1969, no. 326, pp. 515–526. (in Russian)
- Ilyin E. P. *Psikhologiya tvorchestva, kreativnosti, odarennosti [Psychology of Creation, Creativity, Giftedness]*. St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 448 p. (in Russian)
- Karmin A. S., Khaikin E. P. *Tvorcheskaia intuitsiia v nauke [Creative Intuition in Science]*. Moscow, Znanie Publ., 1971. 48 p. (in Russian)
- Kazakova T. A. *Khudozhestvennyi perevod: teoriia i praktika [Literary Translation: Theory and Practice]*. St. Petersburg, Inyazizdat Publ., 2006. 535 p. (in Russian)
- Khomsky N. *Iazyk i myshlenie [Language and Mind]*. Moscow, Moscow State Univ. Press Publ., 1972. 122 p. (in Russian)

- Kiraly D. C. *Pathways to Translation: Pedagogy and Process*. Kent, Kent State Univ. Press Publ., 1995. 190 p. (Translation studies. 3)
- Kiraly D. C. *Distributed cognition in the translation class*. Tarragona Interviewed by A. Pym, 2000. E-pub date: July 13, 2012. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=-kQsGSKFsDM> (accessed: 21.10.2016).
- Komissarov V. N. *Slovo o perevode [A Word on Translation]*. Moscow, International Relations Publ., 1973. 216 p. (in Russian)
- Komissarov V. N. Intuition in Translation. *Target*, 1995, vol. 7, no. 2, pp. 347–354.
- Komissarov V. N. On Linguistic Basis of Creativity in Translation. *Quaderni di Libri e Riviste D'Italia*, 1996, no. 33, pp. 57–71. (La Traduzione: Saggi E Documenti).
- Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie. Kurs lektzii [Contemporary Translation Studies. A Lecture Course]*. Moscow, ETS Publ., 2000. 192 p. (in Russian)
- Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie [Contemporary Translation Studies]*. Moscow, ETS Publ., 2004. 424 p. (in Russian)
- Kravchenko A. V. *Znak, znachenie, znanie. Ocherk kognitivnoi filosofii iazyka [Sign, Meaning, Knowledge. Essay of Cognitive Language Philosophy]*. Irkutsk, Irkutskaiia oblastnaia tipografiia, 2001. 262 p. (in Russian)
- Krupnov V. N. *Praktikum po perevodu s angliiskogo iazyka na russkii [Practical Course of Translation from English into Russian]*. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2005. 279 p. (in Russian)
- Latyshev L. K. *Tekhnologiia perevoda [Technology of Translation]*. Moscow, Academia Publ., 2008. 320 p. (in Russian)
- Latyshev L. K., Semenov A. L. *Perevod: teoriia, praktika i metodika prepodavaniia [Translation: Theory, Practice, and Teaching Didactics]*. Moscow, Academia Publ., 2003. 192 p. (in Russian)
- Levyi I. *Iskusstvo perevoda [The Art of Translation]*. Moscow, Progress Publ., 1974. 395 p. (in Russian)
- Leont'ev A. N. *Problemy razvitiia psikhiki [Problems of Psyche Development]*. Moscow, Myisl Publ., 1965. 572 p. (in Russian)
- Losev A. F. *Znak, simvol, mif [Sign, Symbol, Myth]*. Moscow, Moscow State Univ. Press Publ., 1982. 479 p. (in Russian)
- Lotman I. M. *Vnutri mysl'ashchikh mirov [Inside the Thinking Worlds]*. Moscow, Azbuka Publ., 2014. 413 p. (in Russian)
- Naer V. L. *Iz lektzii po teoreticheskim osnovam interpretatsii teksta [From Lectures on Theoretic Fundamentals of Text Interpretation]*. Moscow, Moscow State Linguistic University Publ., 2001. 76 p. (in Russian)
- Naida I. *Nauka perevoda [Toward a Science of Translating]*. *Voprosy Jazykoznanija [Topics in the Study of Language]*, 1970, vol. 4, pp. 7–12. (in Russian)
- Peirce C. S. On a New List of Categories. *Proceedings of American Academy of Arts and Sciences*. American Academy of Arts and Sciences Publ., 1868, vol. 7, pp. 287–298.
- Peirce C. S. *Logicheskie osnovaniia teorii znakov [Logical Foundations of the Theory of Signs]*. Trans. V. V. Kiriushenko, M. V. Kolopotin. St. Petersburg, St. Petersburg State Univ. Press, Aletheia Publ., 2000a. 352 p. (in Russian)
- Peirce C. S. *Nachala pragmatizma [The Founding of Pragmatism]*. Afterword V. Iu. Sukhachev. Trans. V. V. Kiriushenko, M. V. Kolopotin. St. Petersburg, St. Petersburg State Univ. Press, Aletheia Publ., 2000b. 318 p. (in Russian)
- Pöschhaker F. *Introducing Interpreting Studies*. London, Routledge, 2004. 264 p.
- Psycholinguistic and Cognitive Inquiries into Translation and Interpreting. Eds. A. Ferreira, J. W. Schwieter. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2015. 213 p. (Benjamins Translation Library. 115).
- Shpet Gustav. *Mysl' i slovo. Izbrannye trudy [Thought and Word. Selected Writings]*. Ed. by T. G. Shchedrina. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005. 688 p. (Rossiiskie Propilei) (in Russian)
- Shiriaev A. F. *Sinkhronnyi perevod: Deiatel'nost' sinkhronnogo perevodchika i metodika prepodavaniia sinkhronnogo perevoda [Simultaneous Translation: the Work of a Conference Interpreter and Teaching Techniques of Simultaneous Translation]*. Moscow, Voenizdat Publ., 1979. 183 p. (in Russian)
- Snell-Hornby M. *Translation Studies. Integrated Approach*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ., 1988. 180 p.
- Solodub I. P., Al'brekht F. B., Kuznetsov A. I. *Teoriia i praktika khudozhestvennogo perevoda [Theory and Practice of Fiction Translation]*. Moscow, Academia Publ., 2005. 297 p. (in Russian)
- Stepanosova O. V. *Sovremennye predstavleniia ob intuitsii [Modern Vision on Intuition]*. *Voprosy Psichologii*, 2003, vol. 4, pp. 17–33. (in Russian)

- Thompson C., Dowding D. Responding to Uncertainty in Nursing Practice. *International Journal of Nursing Studies*, 2001, vol. 38, no. 5, pp. 609–615.
- Tversky A., Kahneman D. Judgement under Uncertainty: Heuristics and Biases. *Science. New Series*, 1974, vol. 185, no. 4157, pp. 1124–1131.
- Ubozhenko I. V. *Lingvisticheskoe tvorchestvo, perevodcheskaia intuitsiia i perspektivy neuroissledovaniia* [Language Creativity, Translation Intuition, and Prospects for Neuro Research]. Otkrytaia leksiia v Gosudarstvennom literaturnom muzee. Korporativnyi proekt NRU HSE «Lektsionnye chetvergi v muzeiakh Moskvy». 13 March 2014 [A Public Lecture at the State Literature Museum. The Corporate Project of NRU HSE “Thursday Lectures at Moscow Museums”]. E-pub date: 13.04.2014. Available at: http://www.youtube.com/watch?v=dGile_Cy9tc (accessed: 21.10.2016). (in Russian)
- Ubozhenko I. V. Proektnoe obuchenie kak innovatsionnaia forma razvitiia issledovatel'skoi kompetentsii v vysshei shkole [Project-based Learning as an Innovative Form of Research Competence Development in Higher Education]. *Aktual'nye zadachi, sovremennye tekhnologii i perspektivy perevodcheskoi otrasli v Rossii* [Vital Challenges, Modern Technologies, and the Futures of Translation Industry in Russia]. *Proceedings of the VI International Conference in Translating «Vserossiiskii perevodcheskii Forum 2015»* [Translators Forum Russia 2015]. Moscow, 26–28 June 2015. Ekaterinburg, UMC UPI Publ., 2106, pp. 110–119. (in Russian)
- Ubozhenko I. V. *Perevodcheskoe tvorchestvo i intuitsiia* [Translation Creativity and Intuition]. *Mir perevoda*, 2014, vol. 2 (32), pp. 34–41. (in Russian)
- Wallas G. *The Art of Thought*. Tunbridge Wells, Solis Press, 2014. 202 p.
- Wilss W. *Knowledge and Skills in Translation Behavior*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ., 1996. 272 p. (Benjamins Translation Library. 15)
- Zhinkin N. I. *Intellekt, iazyk, rech'* [Intelligence, Language, Speech]. *Narushenie rechi u doshkol'nikov* [Preschoolers with Allolalia]. Ed. by R. A. Belova-David. M.: Prosveshchenie Publ., 1972, pp. 9–31.

For citation: Ubozhenko I. V. On Cognitive Modeling of Intuition and Creativity in Translation: Interpretive and Semiotic Approaches. *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, issue 4, pp. 122–141. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.410.

Статья поступила в редакцию 20 января 2016 г.

Статья рекомендована в печать 27 июня 2016 г.

Контактная информация:

Убоженко Ирина Вячеславовна — кандидат филологических наук, доцент; iubojenko@hse.ru
Ubozhenko Irina V. — PhD, Associate Professor; iubojenko@hse.ru